

Герман Власов

Пропуская в осень лучшее

С амого Германа Власова, как мне сейчас кажется, я вспоминаю еще до моей настоящей встречи с его стихами. В памяти, отвечающей за драгоценное вещество дружбы, уютно прописался ностальгический сюжет из начала нового века. Итак, тыходишь к зданию, где скоро начнется чей-то поэтический вечер, оглядываешься вокруг, приветствуешь тех и других, и тут — словно из воздуха, с неизменным фотоаппаратом — появляется Герман.

Он мягко касается плеча и деликатно вкладывает в твою руку фляжку с вакхическим нектаром. Ты делаешь традиционный глоток — и вот уже звучит герино (друзья зовут Власова — Герой) тихое, похожее на уговор, бормотание: «...я тут написал стихотворение, а ты соберись и приезжай на дачу, там хорошо, возьмём лодку...».

Я и сейчас, когда пишу эти слова, — улыбаюсь.

Но прочная привязанность к его певучим, нежным, мастерски выписанным стихам случилась у меня все-таки позже, когда я заметил, что привыкаю ждать его новую книгу.

В моем случае это, скорее всего, похоже на ожидание любимого времени года — золотой подмосковной осени — с музыкой шуршащих листьев и ароматом крепкого чая на веранде, с холодными вечерами и остро отточенными звездами, сквозь которые летит мигающая самолетная точка. Осенью почему-то особенно сильно хочется вспомнить главное.

И поскольку так уж сложилось, что в предваряющих моих колонках я часто говорю в эпистолярном, чуть ли не домашнем тоне, то и признаюсь вам простодушно: как же радостно обрести в своем поколении (мы с Германом одногодки) — именно такого поэта.

...Который, как и ты, человек читающий, тяготеет к незабвенной и чудесной традиции, очерченной, скажем, стихами позднего Пастернака и поэтов группы «Московское время» (у Власова есть посвящения Бахыту Кенжееву и поминание Александра Сопровского).

Стихи Германа Власова благодатно воскрешают мудрое, детское восприятие Божьего мира, искусно повествуют о его неизбывной красоте и утишают от суетливо изнуряющей «злости дня». Добрый день — тебе, Герман. ♠

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок Евгении Меламуд

Воздух от смысла тягуч, узнаваем —
воздухом сходятся наши пути.
Комната (окна во двор) угловая.
Так не шути, больше так не шути —

ни занавеской, ни сном, ни торшером
(вещи свезли, их раздали за так).
Разве осталось, что в семьдесят первом
выпущенный рыжеватый пятак.

Отчим приходит, дымя папиросой;
бросит газету, беззлобно шутя.
Детское: ну, заплетите мне косу...
(Будь как дитя, лучше будь как дитя!)

Лето и летнее солнце отвесно,
время в заварку вливать кипятком.
Чашка с оленем снимается с места:
— С сахаром? (Тёплый и сладкий глоток.)

Но исчезает и солнце и чашка,
сахар страны растворился уже,
разве подросток в немецких подтяжках
пишет письмо на втором этаже:

— Август проходит и солнце заходит,
запад назавтра сгорит со стыда...
Но получатель без адреса бродит
и выговаривает: никогда —

летом ли, осенью — не было смерти;
август не может сгореть, умереть;
время облизывать клей на конверте,
на заходящее солнце смотреть;

время водою (прозрачной, проточной)
воздухом тёплым (ах, Боже ты мой!)
днём или ночью воздушною почтой
длинные письма отправить домой...

«I'll be seeing You...»

Некрасивой, неловкой казалась.
Вызывала и жалость, и страх,
но, раскачиваясь, — продолжалась.
Голубиный крылатый размах,

пролетающий самую гущу —
перестройку, вторую войну.
Но куда — не ответит зовущий.
Растолкуй мне тогда, почему?

Потому что невидимый кто-то
снарядил через полюс в полет,
оттого, что знакомою нотой
продолжает гудеть самолет.

И — окружий и стрелок свидетель —
продолжает писать и писать
чёрный ящик, и августа ветер
перелистывает тетрадь;

осыпаются листья в глубины
переулков, проспектов, пока —
самолетна ли, голубина
абиссинская почта стиха.

Как сад стремительно ветшает,
как тучи серые спешат,
как мыши полевые шарят
по даче с выводком мышат
озябших, неуёмных, сырых.
Как жалко ставить под комод
подобье гильотины с сыром.
А может, к вечеру возьмёт
и распогодится? И ясной
проступит запад полосой,
и солнце сентября, что ястреб,
на окна бросит взгляд косой.
И бабье лето будет длиться —
как женщина, отъезда блажь
забудет и на половицы
поставит собранный багаж.
И две, а то и три недели —
живи, не разнимая рук.
Но ветер гнёт в коленях ели.
И дождь, и плачет всё вокруг.

Я войду сюда по памяти,
будто книгу перелистывая:
листья обрывались, падали,
в сумерках шуршали искрами,

я гуляю с рыжей сукою
и вдыхаю запах тления —
мне совсем не будет мукою
написать стихотворение

об охряных листьях полночи,
о шагах и о дыхании
языком почти беспомощным,
но певучим, с придыханием;

пропуская в осень лучшее —
на страницы, где без отдыха
рифма, падчерница случая,
скорбным мучается воздухом;

новый поводок натянется
на шаги твои без повода,
хочешь, мысль моя останется
этим оголённым проводом

освещения неяркого
над землей остывшей, голою
в восклицательных с помарками,
в прилагательных с глаголами?

